УДК 1Ф"652"

В. П. Поршнев

Афинская философская школа на берегах Окса

В эллинистическом городе на Оксе, на месте современного поселения Ай Ханум (Афганистан), более полутора столетий существовала местная философская школа, объединившая традиции платоновской Академии и Ликея Аристотеля-Феофраста в Афинах. Предположительно ее основателем был ученик Аристотеля Клеарх из Сол, фрагменты сочинений которого впервые демонстрируют нам подобный эклектизм, связующий две знаменитые школы античности.

Ключевые слова: Клеарх из Сол, Платон, Аристотель, школа перипатетиков, Академия, Ликей, Бактрия, Ай Ханум

Valery P. Porshnev

The Athenian philosophical school on the banks of the Oxus

In the Hellenistic city on Oxus, on a place of the modern settlement Aï Khanum (Afghanistan), more than one and a half centuries there was a local philosophical school, which united traditions of Platonic Academy and Lykeum of Aristotle-Theophrast in Athens. Presumably, Aristotle's pupil Clearchus of Soli, whose fragments of compositions for the first time show us similar eclecticism, binding two well-known schools of antiquity, was her founder.

Keywords: Clearchus of Soli, Plato, Aristotle, Peripatetic School, Academia, Lyceum, Bactria, Aï Khanum

Перечисляя знаменитых философов школы перипатетиков, античные авторы часто упоминают имя Клеарха Сольского. Его сочинения выходят в свет между 320 и 301 гг. до н. э. К сожалению, они известны только по разрозненным цитатам. Его трудами, даже через много столетий, будут интересоваться Иосиф Флавий, Плутарх, Диоген Лаэртский, Климент Александрийский и Афиней, особенно обильно цитирующий их[1].

Столь же немногочисленны биографические сведения об этом ученике Аристотеля. Он был уроженцем города Солы на северном побережье Кипра, основанном выходцами из Афин при законодателе Солоне (VI в. до н. э.). Древние даже название города связывали с именем знаменитого афинянина: Solon – Soloi. Солы сохраняли дружественные связи с Афинами, их граждане пользовались проксенией – закрепленным законодательством Афин правом гостеприимства. Археологические памятники Сол датируются в основном римским временем, но наличие большого амфитеатра, перестроенного при римлянах с использованием старых каменных блоков, позволяет утверждать, что город жил полноценной культурной жизнью и в более ранний период своей истории. Там несомненно был гимнасий, где Клеарх получил первичное образование. А поскольку город не отличался большими размерами, это был единственный гимнасий, где вместе с нашим философом учились и другие представители аристократических и просто богатых семей. В 333 г. Солы, вместе со всем Кипром, переходят из-под персидской власти под власть Александра Македонского, т. е. – формально получив независимость, они вошли в Панэллинский союз, возглавляемый македонским правителем. Многие молодые люди города пополнили ряды армии Александра. Из уроженцев Сол была сформирована целая фаланга, участвовавшая в битве при Иссе[2]. Видимо в это время Клеарх, не склонный к воинской службе, воспользовавшись переменой власти, приехал в Афины и стал учеником аристотелевского Ликея, которому Александр Македонский оказывал покровительство вплоть до 327 г., когда между ним и Аристотелем начались расхождения, связанные с чрезмерным увлечением царя традициями завоеванного Востока, привлечением на службу варваров, которых Аристотель считал неполноценными людьми, и делом племянника Аристотеля Каллисфена, осужденным за критику восточного раболепства перед царем. Слушая лекции Аристотеля, Клеарх, одновременно, увлекся философией Платона. Настолько, что он разделял веру академиков в божественное происхождение Платона от бога Аполлона[3]. Может быть, обучаясь в Ликее, он, одновременно, посещал лекции в платоновской Академии, учитывая дружеские отношения Аристотеля и тогдашнего главы Академии Ксенократа. Поскольку еще при

жизни Платона Аристотель самостоятельно читал лекции в Академии и даже осмеливался спорить с Платоном, несомненно, первичное ядро преподавателей Ликея (а также его корреспондентов, ведь Аристотель до конца жизни, наверняка, вел переписку со своими учениками, уезжавшими из Афин после обучения), он составил из тех, кого прежде учил в Академии. Аристотель многое заимствовал у платоников, но подчинил организацию Ликея своему эмпирическому способу постижения бытия, обеспечив процесс обучения многочисленными приборами, а также минералогическими, ботаническими и зоологическими коллекциями. Дальнейшее параллельное существование двух школ более всего соответствует принципам хорового действа греческой трагедии, когда вначале единый хор расходится по ходу представления на два полухория, которые ведут спор (агон), но, в конце концов, сливаются вновь в едином заключительном пении. Двигаемся ли мы в процессе познания от частных вещей к общим, или от аксиом сознания и высших идей к конкретным вещам, мы неизбежно встречаемся посредине пути, что хорошо демонстрирует дальнейшая история философской мысли. Ведь именно линии Платона и Аристотеля (а не пресловутая «линия Демокрита») станут определять весь ход ее развития, переходя в споры реалистов и номиналистов в Средние Века, и рационалистов и эмпириков в Новое Время. Встречаясь, обе ветви порождают неоплатонизм поздней античности (началом которого станет эклектизм александрийской философии), христианский неоплатонизм Возрождения, кантианство и гегелевский абсолютный идеализм. Главной предпосылкой всех последующих форм синтеза станет идея о том, что законы природы тождественны законам мышления, следовательно – изначально присущи Высшему Разуму. Идею общности двух главных философских школ, несмотря на практикуемые ими различные пути познания, прекрасно выразит Цицерон: «Благодаря авторитету Платона, разностороннего ученого, отличавшегося широтой и богатством мысли и языка, утвердилось единое, хотя и называвшееся двумя разными именами, философское учение – академиков и перипатетиков, которые, будучи согласными по существу, различались по названию… и те и другие, наследуя богатство учения Платона, создали некую систему учения, достаточно полную и содержательную, оставив прежнюю сократическую манеру рассуждать обо всем, подвергая все сомнению и никогда ничего не утверждая»[4]. Таким образом, Клеарх мог быть первым философом, связующим две самые знаменитые школы античности.

Тем не менее авторы называют его перипатетиком и философом из Перипата[5], и это дает основание предположить, что он не только учился, но и преподавал в Ликее.

В чем, помимо апофеоза Платона, мог заключаться платонизм Клеарха? Ему принадлежит трактат «О любви», особенно многословно цитируемый Афинеем[6]. Там говорится о цветах как природных символах красоты и любви. Известно, что Клеарх написал комментарии к платоновскому «Государству»[7]. Специальный трактат он посвятил математическим отношениям в структуре платоновского идеального государства, в котором Платон предлагал ту же числовую гармонию, что заключалась в структуре самого Космоса. Также речь там могла идти об унаследованной от Пифагора Платоном идее неразрывной связи чисел и геометрических фигур, о музыкальных интервалах. Наконец, могла иметь место попытка соотнести с идеальными числами физические законы на конкретных примерах из астрономии и естествознания. По Плутарху, кроме Клеарха, этим занимались другие философы из Сол – Крантор и Феодор[8]. Правда Крантор был уроженцем сицилийских Сол, но он одновременно с Клеархом жил в Афинах и слушал в Академии лекции Ксенократа. Сведениями о Феодоре Солийском мы, к сожалению, не располагаем. Следует еще отметить, что трактат, в котором Плутарх называет имена Клеарха, Крантора и Феодора, посвящен такой ключевой теме пифагорейской и платоновской философии, как метемпсихоз (странствия и переселение душ). Следовательно, как платоник, Клеарх разделял это учение, подтверждая его конкретными примерами на основе своих естественнонаучных наблюдений.

О том, что Клеарх иллюстрировал связь идеальных сущностей-чисел с физическими предметами, можно догадаться из цитаты его труда у Афинея: Клеарх как будто бы рассматривает физические тела и их идеальные прототипы, подчеркивая их неразличимость, и при этом, для наглядности, сравнивает сам предмет и его отражение в зеркале[9]. Вырванная, к сожалению, из контекста цитата Афинея интересна тем, что физическими телами, приводимыми в качестве примеров, у Клеарха являются представители мира природы – птицы (перепела и цесарки). Клеарх подробно рассказывает об их повадках и способах охоты на них. Здесь он из платоника перевоплощается в истинного перипатетика, не только

потому, что признает тождество единичной вещи и ее идеального прототипа, тогда как Платон утверждал, что идея отражает лишь общие родовые признаки вещей, но и потому, что Клеарх следует завету Аристотеля: постепенно, шаг за шагом подниматься к познанию высших идеальных оснований мира, изучая природу во всех ее проявлениях. Ликей, в котором преподавание естественнонаучных дисциплин базировалось не только на книжных сведениях, но, повторим еще раз, на собираемых перипатетиками минералогических, ботанических и зоологических коллекциях (зверинец Аристотеля и ботанический сад Феофраста), обеспечивал таким занятиям солидное материальное основание.

Тот факт, что Клеарх весьма преуспел в изучении природного, «подлунного» мира, засвидетельствовали его труды, которые соответствовали аристотелевской «программе» собирания всеобъемлющих сведений об этом мире, и, следовательно, могли быть написаны в Ликее в последние годы руководства Аристотеля, по его непосредственному заказу, или в начале правления Феофраста. Это дополняющие зоологические трактаты Аристотеля книги о животных, обитающих в воде, в частности – об осьминогах[10], отдельный труд, описывающий электрического ската[11], анатомическое сочинение «О скелетах»[12], и кратко упоминаемые писателями античности книги по ботанике и минералогии[13]. Клеарх занимался и психологией. С феофрастовыми исследованиями человеческих характеров перекликаются его трактат «Гергитий», описывающий феномен лести и типажи льстецов[14], и книга, рассказывающая о паническом страхе[15].

Аристотель завещал ученикам составить общегеографическое описание мира. Старший современник Клеарха перипатетик Дикеарх Мессенский создал большой географический труд «Описание Земли», ставший текстовым комментарием к составленной им географической карте; именно такими картами Феофраст много лет спустя распорядится оформить стены нижнего портика в ликейском святилище Муз[16]. Своими географическими изысканиями Дикеарх раздвинул представления греков об обитаемом мире далеко на Запад, до Британии, которую впервые наносит на карту, и загадочной земли Фуле (Туле), отождествляемой исследователями с самыми разными регионами – от Исландии, Шетландских или Фарерских островов, до фиордов Норвегии (последнее мнение преобладает). Продолжая его деяние, Клеарх посвятил время изучению восточных стран и народов. Его перу принадлежит сочинение «О песчаных пустынях»[17]. Судя по обобщающему названию, речь там могла идти не только о египетских пустынях, о чем свидетельствует цитата Афинея, но и о дальних пустынях на окраинах Персидского царства, через которые проходили армии Александра Македонского.

Именно Феофраст и Клеарх, почти синхронно, пересматривают негативное отношение к народам Востока, неоднократно высказываемое Аристотелем в его проектах будущего идеального государственного устройства. Политические реалии были таковы, что осуществлялась скорее идея Александра Македонского о слиянии эллинов и всех остальных народов в подданных сначала одной, затем многих монархий. Кроме того достоянием эллинских ученых мужей стали многочисленные свидетельства о наличии у варваров своей самобытной мудрости, которой следовало учиться. Первоначально эту тайную мудрость, со времен законодателя Солона, искали в Египте. Феофраст, в дошедшем до нас в цитатах трактате «О благочестии» называет египтян мудрейшим из всех народов, а их землю – священной[18]. В этом же трактате он впервые в грекоязычной литературе сообщает о евреях. Еврейский народ интересует Феофраста как носитель идеи единобожия, разделяемой платониками и перипатетиками, чье благочестие выражается в особой форме жертвоприношения – знаменитой еврейской жертве всесожжения. Хотя кровавые жертвоприношения вообще вызывали у Феофраста неодобрение, но отказ от вкушения жертвенного мяса, полная отдача жертвы Богу, сопровождаемая молитвой, «смягчает» обряд. Кроме того евреи ведут благочестивые беседы о божестве, собираясь по ночам (как делали орфики, пифагорейцы и платоники). Более того, они готовы на добровольное самопожертвование во имя Бога.

Клеарх оставил сочинение «О сне», в котором, согласно цитате, приводимой Иосифом Флавием, евреи вообще объявляются носителями высшей мудрости, унаследованной уже не у египтян, а у индийских философов, именуемых «каланами»[19]. Восхваление народа божия Клеарх вкладывает в уста Аристотеля (сочинение написано в форме диалога между Аристотелем и одним из его учеников). Но это лишь литературный прием, позволяющий, между прочим, «сгладить» выходивший из моды негатив, проявляемый Аристотелем по отношению к варварам. Нам же не так важны фантастические сведения Клеарха, но главным является то, что ученик Аристотеля, склоняющийся к платонизму, нашел новый источник мудрости в стране, о которой

почти ничего не было известно до Восточного похода.

Египетские жрецы, как убедились еще Геродот и Платон, крайне неохотно делились знаниями с чужеземцами. Они останутся и при Птолемеях замкнутой кастой, хранящей секреты от посторонних. Напротив бродячие индийские гимнософисты охотно проповедовали свое учение. Джайны и буддисты, к тому же, провозглашали все тот же, постепенно распространяющийся среди эллинских интеллектуалов космополитизм. Многие их идеи перекликались с эллинской богословско-философской традицией, протянувшейся от орфиков к Платону; эллины не увидели разницы между перевоплощениями целостной неделимой души человека и перекомбинациями психических дхарм, очевидной для современных ученых. Образ жизни гимнософистов напомнил им как традиции орфических и пифагорейских союзов, так и аскетизм киников. Собственное имя мудреца Калана, собеседника Александра Македонского, совершившего распространенный у джайнов акт ритуального самоубийства через самосожжение, Клеарх превратил в название школы.

Но и гимнософисты, согласно другому сочинению Клеарха «О воспитании», имели своих учителей. Ими оказываются персидские маги[20]. Следовательно некий общий духовный центр, откуда высшую мудрость черпали евреи и гимнософисты, должен был находиться далеко на Востоке, на границе Индии и Бактрии. Если Клеарх сделал для себя такой вывод, вполне естественным для философа стало желание самому прикоснуться к первоисточнику. Исполнить это желание было труднее, чем совершить путешествие в Египет, куда после основания Александрии греки плавали как в свои родные места и массово переселялись туда. Тем не менее, поход Александра Македонского открывал возможность столь далекого пути, хотя бы в один конец, так как в Бактрии и Согдиане уже строились свои Александрии, куда также направлялись переселенцы. И существуют веские основания для гипотезы, что Клеарх именно там провел вторую половину своей жизни.

В 1964 г. французские археологи Даниэль Шлюмберже и Поль Бернар начали раскопки эллинистического города на месте поселения Ай Ханум в северном Афганистане, на тогдашней советско-афганской границе. Д. Шлюмберже вскоре покинул страну и руководство полностью перешло к П. Бернару. Раскопки не прекращались вплоть до 1978 г. при щедрой поддержке правящего королевского дома, особенно в период правления Мухаммеда Захир-Шаха, большого любителя древностей своей страны. В эти годы в работах участвовали и советские археологи, благо отношения между монархическим государством и Советским Союзом казались идеальными, король был частым гостем в Москве, а граница проходила в непосредственной близости от Ай Ханума, по реке Пяндж (древнему Оксу), бурной в паводок, но сильно мелеющей летом. Но и после переворота 1973 г., когда Мохаммед Захир-Шах отправился в изгнание, раскопки не прекращались, и найденные артефакты каждый год пополняли коллекции Национального музея в Кабуле[21]. Только свержение монархии и гражданская война, за которой последовало вторжение советских войск, вынудили археологов покинуть руины. Оставшиеся без присмотра, они были разграблены жителями окрестных сел, искавшими клады. Затем, после ухода советских воинских частей, уже американцы разбомбили Ай Ханум, пытаясь уничтожить военные базы талибов.

Как ни печально, что сам уникальный археологический памятник практически погиб в наши дни, накопленный материал позволяет представить облик города, большинством исследователей отождествляемого с Александрией Оксианой, хотя это и не бесспорно.

Одной из самых внушительных построек в Ай Хануме оказался героон некоего Кинея. Рядом, напротив, находился мавзолей, где, кроме самого героя, были похоронены члены его семьи. Киней будто бы почитался как основатель города[22]. В то же время, войска Александра Македонского проходили по этим местам в 328 г. Может быть тогда царем была заложена лишь крепость на холме, тогда как город стали строить поселенцы в 310-е гг., возможно – выходцы из Элиды, так как статуя Зевса в главном храме была подобием изваяния Зевса в Олимпии (хотя эта статуя, причисляемая к семи чудесам света, приобрела такую славу, что ее реплики ваялись повсеместно). Киней мог возглавлять общину переселенцев и отдать свои богатства на строительство общественных зданий, или быть наместником города, назначенным правителем сатрапии.

Столь же спорно отождествление Ай Ханума с Евкратидией, резиденцией одного из правителей Греко-Бактрийского царства (между 170 и 145 гг. до н. э.). Дворец, расположенный на оси главной улицы города, с огромным перистилем, обрамленным роскошными коринфскими колоннами, более подходит для царской резиденции, чем для

резиденции простого наместника. Но его строительство (или реконструкция), судя по коринфским колоннадам, относится к более позднему времени. К началу 280-х гг. до н. э. были воздвигнуты более строгие здания святилища Зевса, героона и мавзолея Кинея, и гимнасия, в котором проходы к палестре оформлены колоннами дорического ордера.

Планировка города хорошо соответствует тому градостроительному идеалу, который проповедовал знаменитый архитектор Гипподам Милетский и которому рекомендовал следовать Аристотель в своем проекте будущего устройства полиса инкорпорированного в государственные структуры всемирной монархии[23]. Возвышавшийся на городскими кварталами шестидесятиметровый холм с плоской как стол вершиной прекрасно подходил для крепости. Под ним располагалась столь же плоская равнина, обрывавшаяся на северо-западе высоким берегом Окса, а на юго-востоке ограниченная его небольшим притоком. Это пространство было также обнесено стенами. Параллельно берегу Окса прошла главная улица полуторакилометровой длины, идеально прямая. Между ней и береговой стеной были спланированы, как предлагал Гипподам, священная и общественная части города. Первую составляли храм Зевса, героон и мавзолей Кинея, вторую – резиденция наместника и гимнасий, при котором были свои святилища Гермеса и Геракла. На одной с ним оси, но по другую сторону улицы располагался театр на пять-шесть тысяч зрителей. Все население города, первоначально, составляло, таким образом, около десяти тысяч свободных граждан, что также соответствовало гипподамову идеалу. Пространство между гимнасием и дворцом, без следов мощения и с прямоугольным искусственным водоемом посередине, очевидно, было общественным парком. Проход к нему от главной улицы открывали внушительных размеров пропилеи.

Гимнасий, имевший два двора, намного превосходил по размерам ликейский гимнасий в Афинах, где читали лекции Аристотель и его ученики. Его пространство в длину, вместе с парком и бассейном, составляет около 350 метров; только один главный двор представляет собой квадрат 100 × 100 метров. Преподаватели гимнасия жили в небольших уютных домиках, построенных по одному плану и составлявших особый квартал. Видимо они, как в Академии и Ликее, образовывали некое сообщество, возможно на религиозной основе, как союз почитателей кого-либо из богов-покровителей гимнасия (в Академии и в Ликее это были союзы служителей Муз).

В городе была и своя библиотека, причем найденные фрагменты философских текстов свидетельствуют о своей философской школе, развивавшей традиции Академии и Ликея. Высказывается предположение, что с этими философскими текстами в III в. до н. э. могли познакомиться даже философы Китая школы мин цзя (номиналистов)[24], поскольку торговые пути уже прочно связывали Среднюю Азию и Поднебесную. Философская школа на берегах Окса могла просуществовать вплоть до 135 г. до н. э., когда город был разрушен кочевниками.

Уже этот факт, вне зависимости от степени достоверности гипотезы о том, что основателем и первым руководителем школы был Клеарх Сольский, заставляет нас уделить внимание далекой от Афин и египетской Александрии (где перипатетики учредят Мусей и Библиотеку) Бактрии. Является ли Ай Ханум Александрией Оксианой, или это другой эллинистический город, неизвестно, но важно, что все города на эллинизированном Востоке строились по единому архетипу. К сожалению, бесконечные революции и гражданские войны в этом регионе в наши дни, отягощенные вспышками исламского фанатизма, не дают археологам возможностей для многолетних раскопок. По крайней мере один аналог бактрийской философской школы мы можем найти. В Селевкии-на-Тигре, построенной по той же гипподамовой системе, на главной площади, рядом со зданием царского архива, обнаружены руины постройки в архитектурной композиции которой наличествуют одновременно черты храма и зрелищного зала[25]. Селевк I Никатор начал строить город около 305 г. до н. э., а до этого несколько лет жил изгнанником у Птолемея Лага в Египте и видел размах строительства Александрии. Свою столицу он хотел обустроить не хуже города Птолемея. Театр, где могли не только идти спектакли, но и читаться лекции, святилище, архив – составляли здесь единый архитектурный комплекс. Здание архива, сильно перестроенное при парфянских царях, первоначально представляло собой вереницу проходных залов с нишами, где, вероятно, стояли деревянные шкафы. Оно было открыто со стороны площади и по планировке очень напоминало библиотеку, так что помимо обнаруженных папирусных и пергаментных документов там ранее могли храниться книги. Противоположную сторону площади занимала парадная стоя, украшенная терракотовыми пальметтами. Здание, похожее одновременно на театр и храм, замыкало пространство площади с севера.

Позже Селевкия станет родиной таких крупных философов как Диоген Вавилон-

ский, Аполлодор (представители школы стоиков) и последователь Эпикура Диоген Эпикуреец, долго бывший в милости при дворе Селевкидов, но потом казненный за свой острый язык[26]. Наконец, уроженцем этого города будет астроном Селевк, последователь гелиоцентрической системы Аристарха Самосского. Такое количество интеллектуалов свидетельствует в пользу наличия в Селевкии солидного учебного заведения, где они могли получить образование, и откуда они потом разъезжались по Востоку и Средиземноморью. Похоже, что Птолемей I Лаг и Селевк I Никатор, соревнуясь между собой, одновременно стали воплощать в жизнь педагогические идеи своего общего учителя Аристотеля.

На далекой периферии эллинского мира на берегах Окса столь же синхронно строится город на месте селения Ай Ханум. Его строительство началось раньше, чем бактрийские земли перешли под власть Селевка I Никатора, следовательно, инициатором строительства огромного гимнасия там был не он, а местный правитель, который, как полагают авторитетные ученые, и пригласил к себе Клеарха Сольского.

В 1966 г., при раскопках героона Кинея, в святилище была обнаружена каменная плита с надписью:

Эти мудрые наставления знаменитых древних мужей,
были выставлены в священнейшем Пифийском храме,
откуда, старательно переписав,
Клеарх доставил их, издалека сияющих, в храм Кинея[27].

Поскольку посвящение выполнено в стихотворной форме, приведем поэтический перевод Ю. Г. Виноградова:

В славной святыне Пифийской воистину эти реченья
Мудрые мрамор хранит доблестных древних мужей.
В храме героя Кинея, сияющем издали светло,
Тщательно переписав, здесь их поставил Клеарх[28].

В оригинале речь идет именно о сияющих издалека наставлениях (rēmata tēlaugē), благодаря которым сам храм будет теперь далеко распространять свет[29]. Имеются в виду знаменитые дельфийские максимы, наставления семи древних мудрецов из святилища Аполлона Пифийского в Дельфах. Благодаря византийскому автору Иоанну Стобею, нам известно более ста сорока таких максим[30]. На обломке постамента утраченной стелы из героона Кинея сохранилось только пять (по-видимому, остальные были высечены выше):

Дитя – учись благопристойности.
Юноша – воздержанности.
Зрелый муж – справедливости.
Старец – [будь] благоразумен.
Умирая – не сожалей.

Предположение о тождестве Клеарха, автора надписи, с Клеархом Сольским выдвинул еще 1968 г. первооткрыватель памятника П. Бернар и аргументировал тщательно исследовавший памятник Луи Робер. По его мнению надпись в столь важном для культурной жизни города месте мог оставить только какой-нибудь знаменитый путешественник – литератор, философ, эрудит, поэт[31]. Единственной знаменитостью тех лет, носящей имя Клеарх, был ученик Аристотеля, не уступавший в учености никому из перипатетиков[32]. Далее Л. Робер напоминает об интересе к восточной мудрости, возникшем из «сильной склонности к мистическому платонизму»[33], который мог подвигнуть Клеарха предпринять длительное путешествие к границам Индии. Причем Л. Робер не исключает, что по пути Клеарх мог посетить другие строящиеся города и оставить там, в гимнасиях, аналогичные надписи[34]. Определяя примерную дату путешествия Л. Робер не принимает идею о том, что свои ведения об индийских гимнософистах Клеарх заимствовал из сочинения Мегасфена «Индика», которое было бы ему доступно не ранее 290 г., тем не менее, поскольку он пересек всю Азию с книгами и записями, что свидетельствует о порядке на дорогах, путешествие датируется уже временем правления Селевка I Никатора, или даже его сына Антиоха I[35], т. е., приходится на 310-е – 280-е гг. до н. э.

Но в эти годы Клеарху было более шестидесяти лет, возраст не очень подходящий для столь долгого путешествия. Если только это не было путешествие в один конец.

В большинстве зарубежных и во всех отечественных публикациях гипотеза о том, что Клеарх, доставивший в Бактрию дельфийские максимы, и Клеарх Сольский – одно и то же лицо, принимается без дополнительной аргументации. Иногда раздаются критические голоса[36], но поскольку Ай Ханум теперь полностью разрушен, найти какие-либо новые свидетельства (или опровергнуть гипотезу) вряд ли возможно в обозримом будущем.

Если все-таки это был Клеарх, воспитанник и преподаватель Ликея, рискнем предположить, что его пребывание в Бактрии объясняется нежеланием добраться до границ Индии. Поскольку Диоген Лаэртский ясно

передает мысль Клеарха о том, что индийские гимнософисты были лишь учениками персидских магов, гораздо больший интерес для Клеарха представляли именно земли по берегам Окса, где некогда проповедовал пророк Зороастр. После него идет непрерывная цепь преемственности магов, вплоть до сокрушения Персии Александром Македонским[37]. «Маги проводили время в служении богам, жертвоприношениях и молитвах, полагая, что боги внемлют только им»[38]. Примечательно, что с этой фразы Диоген Лаэртский начинает большой абзац, в котором восхваляются образ жизни и учение зороастрийских мудрецов, а затем следуют ссылки на сочинения Аристотеля, учителя Клеарха, на Евдема Родосского, который преподавал в Ликее в те годы, когда там учился Клеарх, и на самого Клеарха. Следовательно это общее мнение о магах философов-перипатетиков. Что касается повода для переселения туда, то самым достоверным кажется приглашение возглавить гимнасий в новом, только что отстроенном городе.

Гимнасий в Ай Хануме, без преувеличения, был самым большим не только на эллинистическом Востоке, но наверное, и во всем эллинском мире. Точная датировка его строительства затруднена, поскольку комплекс составляющих его зданий подвергался сильным изменениям уже независимыми царями Бактрии, а после падения Греко-Бактрийского царства (в I в. до н. э.) использовался под ремесленные мастерские. Но идеальный план города свидетельствует об одновременном возведении общественно значимых сооружений (за исключением дворца, построенного позднее, но возможно, на основе более скромной первоначальной резиденции правителя, также непосредственно примыкавшей к территории гимнасия). К тому же героон и мавзолей явно составляли с гимнасием единое целое, располагаясь по обе стороны мощеной дороги, ведущей от пропилеев на главной улице к парку с бассейном возле гимнасия. Добавив к этому парку (модификации архаической священной рощи) располагавшийся у северной стены гимнасия фонтан в виде головы Силена или Ахелоя (Кабул, Национальный музей, inv. 8–33–81) (искусственное воспроизведение священного источника; на территории афинского Ликея также было святилище Ахелоя), солнечные часы (Кабул, Национальный музей, inv. 4–33–81; 5–33–81), а также жертвенники Гермесу и Гераклу, мы получим примерное подобие гимнасиев и Мусеев Академии и Ликея, но выполненное с истинно восточным размахом. В связи с этим напрашивается вывод, что казенные средства, выделенные властями на строительство, должны были пополняться за счет богатых пожертвований, и таковым жертвователем был похороненный возле стен гимнасия и удостоенный героических почестей Киней.

Относительно этого исторического деятеля выдвигаются различные предположения. Во-первых, он мог быть военачальником в армии Александра Македонского и по царскому поручению еще в 328 г. начал строить крепость на холме, а затем город у его подножья. Во-вторых, если перенести строительство на годы правления Селевка I Никатора, он был назначенным уже Селевком градоначальником[39]. Но сомнительно, чтобы сам царь, после 305 г. занятый грандиозным строительством Селевкии-на-Тигре, уделял столь же большое внимание далекому городу на Оксе. А градоначальник на жаловании просто не имел столь больших личных средств (если, конечно, исключить коррупцию). Поэтому, наше предположение: Киней был богатым греком, возглавившим переселенцев «второй волны», заново осваивавших земли Бактрии и Согдианы, после нескольких лет запустения, связанных с восстанием и исходом на родину первых переселенцев в 323 г. до н. э. Начало этой волны приходится на 321 г. За последующие десятилетия Киней мог преумножить состояние, занимаясь торговлей или владея пахотными землями. Что не исключает и участия в управлении городом. Расходы на гимнасий (и, вероятно, театр), дополнившие те суммы, которые ссужали правители, стали престижным вложением средств, за которым последовало желаемое всяким эллином воздаяние героических почестей.

Дельфийские максимы, украсившие героон Кинея, явно имели педагогическое значение и имели современные им аналоги в ряде греческих полисов[40]. Списки с этих надписей имелись и в библиотеке Ликея; их собрал и издал никто иной как соученик Клеарха Деметрий Фалерский, оставивший специальное исследование о них, которое упоминает в перечне его сочинений Диоген Лаэртский[41], а затем цитирует Стобей. В 317–307 гг. до н. э. Деметрий правит Афинами от имени македонского полководца Кассандра, и все эти годы неизменно покровительствует Ликею. Возможно это переписывание изречений Семи мудрецов было очередным заданием для учеников Ликея, в рамках того глобального собирания всевозможных сведений о мире и образцов мудрости, которое осуществляли Аристотель и Феофраст на протяжении многих лет.

О том, что Клеарх уже до переезда в Бактрию вел самостоятельную преподавательскую деятельность свидетельствует его сочинение «О воспитании». Именно там говорилось о персидских магах. Помимо того у Афинея есть одна интересная цитата, на основании которой напрашивается предположение, что Клеарх писал о необходимости дисциплины и единоначалия в школе; в противном случае обучение превращается в разлаженный хор[42] (в русском переводе Афинея Н. Т. Голинкевича – «кошачий концерт»), где каждый участник поет то, что ему вздумается, не слушая предстоятеля и наставника.

Итак, мы имеем сравнение философской школы с хоровым действом греческой трагедии. В противовес этому разлаженному хору, видимо, как можно судить по другому фрагменту трактата Клеарха, имеется божественный образец хора Муз, от которых непосредственно получали навыки древние герои[43]. В Ликее (так же как и в платоновской Академии), в рамках всей школы, существовал возглавляемый схолархом особый «хор» преподавателей, объединенный поклонением божествам-покровителям наук и свободных искусств – Музам, со своими святилищами Муз – Мусеями.

Возможность создать свой собственный философский «хор» при новом гимнасии могла стать вторым (после желания познакомиться с магами) мотивом, побудившим Клеарха согласиться на дальнее путешествие.

Приглашение вряд ли поступило от Селевка I Никатора, вернувшего себе власть над восточными сатрапиями после длительной и тяжелой войны со своим соперником Антигоном Одноглазым в 311–302 гг. до н. э. В этом случае Клеарх, скорее, оказался бы при его дворе в Вавилонии. Но, кроме Кинея, о положении которого в бактрийской чиновнической иерархии мы ничего не знаем, пригласить известного философа мог правитель всей области. И здесь мы сталкиваемся с интересным совпадением. Правителем сразу нескольких восточных сатрапий, включая Согдиану и Бактрию, уже с 321 г. до н. э. был земляк Клеарха, уроженец Сол на Кипре, военачальник Александра Великого Стасанор. Он оставался у власти как минимум до 305 г., а может быть и дольше, и фактически лишь номинально подчинялся сменявшим друг друга диадохам. Власть над Бактрией за ним признал получивший восточные сатрапии по договору между диадохами Антигон Одноглазый в 316 г.[44], хотя до этого Стасанор воевал против него. Стасанор даже вербовал наемников в собственную армию[45]. Когда Селевк I Никатор, уже принявший царский титул, наконец подчинил себе Бактрию, Стасанор, скорее всего, был смещен или даже убит (между 305 и 301 гг. до н. э.), поскольку источник сообщает о насильственном завоевании страны[46].

Как мы отметили в начале статьи, кипрские Солы были сравнительно небольшим полисом, где не только все знатные и богатые, но даже просто зажиточные семьи наверняка были знакомы друг другу. Стасанор и Клеарх могли вместе учиться в городском гимнасии (единственном в городе). В 333 г. из уроженцев Сол была сформирована воинская фаланга. Вероятно Стасанор вместе с ней проходит весь путь от Исса, до берегов Окса, поднимается по служебной лестнице, и в конце концов достигает власти сатрапа. Клеарх же направляется на учебу в Ликей.

Через много лет, ставший уже знаменитым, Клеарх мог получить приглашение именно от земляка и возможно, – даже друга детства. Его переезд в Бактрию, таким образом, приходится на один из более или менее спокойных периодов перемирий между воюющими диадохами в 316–301 гг. (более точная датировка невозможна), когда дороги, действительно, на короткое время, становились безопасными. Когда он прибыл на берега Окса, гимнасий еще строился. Киней, по-видимому, умер до завершения строительства, и его героон и мавзолей решено было включить в комплекс гимнасических зданий: обычная в древности традиция воздавать героические почести мифическим или реальным покровителям места; вспомним героев-покровителей платоновской Академии – Академа (Гекадема), или же самого Платона, в утверждении культа которого участвовал Клеарх, провозглашавший божественное происхождение философа. А также мифического героя Лика и его брата Ниса, чествовавшихся в Ликее. Помещенные в герооне назидательные надписи стали доступны как ученикам Клеарха, так и всем горожанам.

Философская школа, возможным основателем которой, возможно, стал Клеарх, просуществовала около ста пятидесяти лет. Наверняка в гимнасии была своя библиотека. Вторая библиотека при дворце правителей возникает позже, на ее основе, путем переписывания папирусов. Отпечатавшийся на ее полу фрагмент содержит философский диалог, в котором видят изложение платоновской теории идей, разделяемой обоими собеседниками[47], что вполне созвучно «мистическому платонизму» Клеарха. В то же время исследователи находят и параллели с сочинениями Аристотеля[48]. Поскольку собеседники не спорят, а подтверждают одну и ту же истину, не

являются ли они представителями Академии и Ликея, проповедующими единение обеих школ, о котором будет говорить через пару сотен лет Цицерон, и которое может олицетворять сама личность Клеарха, перипатетика по образованию и платоника по убеждениям? К сожалению, состояние текста делает невозможными окончательные выводы.

Во дворе гимнасия была найдена статуя в виде гермы, увенчанной головой бородатого мужа (Кабул, Национальный музей, МК 05. 42. 14). По поводу этого памятника мнения сильно расходятся: одни считают статую изображением Геракла, чей жертвенник был в гимнасии[49], другие изображением гимнасиарха, отождествляя его с неким Стратоном, сыновья которого оставили в гимнасии посвятительные надписи Гермесу и Гераклу[50]. Статуя изображает человека явно пожилого возраста, что не вполне подходит для Геракла. Но для посмертного изображения Клеарха, или кого-то из его преемников по руководству школой, такой возраст является обычным.

Если Клеарх приехал в Бактрию из афинского Ликея, он должен был спросить позволения и благословения Феофраста. Причем это произошло раньше, чем по рекомендации Феофраста другой перипатетик – Стратон Физик отправился в Александрию, и тем более задолго до переезда туда Деметрия Фалерского. А этим двум ученым мужам приписывается слава учредителей Александрийского Мусея и Библиотеки. Еще ранее, при жизни Аристотеля, около 335 г. до н. э., Гераклид Понтийский основал свою школу в Гераклее. Это был старейший из учеников Аристотеля, перешедший к нему из Академии, но остававшийся (как и Клеарх) ревнителем (exēlōkei) Платона[51]. После 322 г. покинул Афины Евдем Родосский, основав собственную школу на Родосе, которой руководил более двадцати лет. Там он занялся комментированием сочинений Аристотеля, параллельно читая лекции по логике и физике. С Феофрастом он сохранял дружбу и состоял в переписке[52]. Возможно, что своя школа была и у еще одного ученика Аристотеля – Клита Милетского; вернувшись в родной город, он создал там энциклопедический труд, посвященный географии, истории и достопримечательностям Милета[53].

Таким образом, воспитанники Аристотеля и Феофраста осуществляли своеобразную интеллектуальную «экспансию», перенося традиции Ликея в разные регионы эллинского мира. Александрийский Мусей оказывается в этой цепи чуть ли не последним деянием, осуществленным при жизни Феофраста.

Примечания

[1] Фрагменты сочинений Клеарха собраны и прокомментированы швейцарским филологом, профессором классической филологии Цюрихского университета Ф. Верли в середине XX столетия: Wehrli F. Die Schule des Aristoteles / Texte und Kommentar. Hrsg. von Fritz Wehrli. Heft 3. Klearchos. Basel; Stuttgart: Benno Schwabe & Co, 1946. Aufl. 1969. В дальнейшем мы приводим нумерацию фрагментов по этому изданию.

[2] Strab., XIV, 5, 17 C676 (Strabonis Geographica. Vol. 1–3 / rec. A. Meineke. Lipsiae, 1852–1866; Nachdruck, 1877, 1898; Страбон. География: в 17 кн. / пер. с древнегреч., Г. А. Стратановского. Репринт. воспр. изд. 1964 г. М.: Ладомир, 1994. С. 630).

[3] Diog. Laert., III, 1, 2 (Diogenis Laertii. Vitae philosophorum / ed. M. Marcovich. Vol. 1–3. Stutgardiae; Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1900; Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979. С. 150).

[4] Cic. Acad., I, 4, 17 (Цицерон. Учение академиков: лат. текст / пер., коммент.; пер. с лат. Н. А. Федорова. М.: Индрик, 2004. Текст: с. 60; пер.: с. 61).

[5] Clem. Strom., I, 15, 70 (Климент Александрийский. Строматы. Т. 1–3 / пер., греч. текст, коммент.; подгот. текста, пер. с древнегреч., предисл. и коммент. Е. В. Афонасина. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. Т. 1. Текст: с. 206; пер.: с. 116); Athen., II, 49f; IV, 157c, 160c; VII, 285d (Athenaei. Naucratitae Deipnosophistorum libri XV. Vol. 1–3 / rec. G. Kaibel. Lipsiae, 1887–1890; Афиней. Пир мудрецов: в 15 кн. Т. 1–2 / пер. с древнегреч. Н. Т. Голинкевича. М.: Мысль, 2003–2010. Т. 1. С. 71, 206, 210, 354); Euseb. Praepar., IX, 6, 2 (Eusebii. Praeparationis Evangelicae libri XV. Vol. 1–2 // Eusebii Caesariensis Opera / rec. G. Dindorfius. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1867).

[6] Athen., XII, 553f; XIII, 605e (Афиней. Указ. соч. Т. 2. С. 247, 311). Другие разбросанные цитаты см.: F. Wehrli: Fr. 21–35.

[7] F. Wehrli: Fr. 3–4.

[8] Plut. De anim. procr., 1022c (Plurarchi. De animae procreatione in Timaeo // Plutarch. Moralia with an English Translation. London; Cambridge (Mass.), 1976. Vol. 13 (1); Плутарх. О рождении души по Тимею / пер. с древнегреч. П. Сидаша // Сочинения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 99); F. Wehrli: Fr. 4.

[9] Athen., IX, 393a (Афиней. Указ. соч. Т. 2. С. 39); F. Wehrli: Fr. 3.

[10] Athen., VII, 317c-d; VIII, 332c (Афиней. Указ. соч. Т. 1. С. 396. Т. 2. С. 416); F. Wehrli: Fr. 101, 102.

[11] Athen., VII, 314c (Афиней. Указ. соч. Т. 1. С. 392); F. Wehrli: Fr. 105.

[12] F. Wehrli: Fr. 106–110.

[13] F. Wehrli: Fr. 99–100.

[14] Athen., VI, 255c–257d (Афиней. Указ. соч. Т. 1. С. 321–323); F. Wehrli: Fr. 19–20.

[15] Athen., IX, 389f (Афиней. Указ. соч. Т. 2. С. 36); F. Wehrli: Fr. 36.

[16] Diog. Laert., V, 2, 51–52 (Диоген Лаэртский. Указ. соч. С. 220–221).

[17] Athen., VIII, 345c (Афиней. Указ. соч. Т. 1).

[18] Porph. De abst., II, 26 (Porphyrii. De abstinentia libri IV // Porphyrii philosophi Platonici Opuscula tria / rec. A. Nauck. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1860).

[19] F. Wehrli: Fr. 6. Ioseph. Contra Ap., I, 176–183 (Josephi Flavii. Contra Apionem. Josephus. Against Apion // Josephus: with an English Translation in 9 vol. London: William Heinemann LTD; New York: G. P. Putman's Sons, 1926. Vol. 1; Иосиф Флавий. О древности еврейского народа. Против Апиона / пер. с древнегреч. А. В. Вдовиченко // Филон Александрийский. Против Флакка. О посольстве к Гаю. Иосиф Флавий. О древности еврейского народа. Против Апиона. М.; Иерусалим: Еврейский ун-т в Москве; Gesharim, 1994/5755. С. 138).

[20] Diog. Laert., I, Praef., 9 (Диоген Лаэртский. Указ. соч. С. 65).

[21] Регулярные отчеты П. Бернара ежегодно публиковались в журн.: Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1966–1978; 1980. Vol. 110–124. Также см. обобщающие публикации: Kirk R. The Greco-Bactrian Mirage: reconstructing a history of Hellenistic Bactria // Archive: a j. of Undergraduate History. 2002. Vol. 4, nov. P. 54–75; Holt F. L. Into the Land of Bones: Alexander the Great in Afghanistan. Berkeley, Los Angeles; London, 2005. Ch. 9: Conclusion. P. 149–164; Leucyot G. Ai Chanum Reconstructed // Proceeding of the British Academy. 2007. Vol. 133. P. 155–162. Ги Лекюйо выполнил графическую 3D реконструкцию города; Martinez-Séve L. The spatial Organisation of Aï Khanum, a Greek City of Afghanistan // American j. of archaeologia. 2014. Vol. 118, № 2. P. 267–283. На рус. яз.: Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979. С. 153–155. Г. А. Кошеленко лично участвовал в раскопках Ай Ханума; Пичикян И. П. Культура Бактрии: ахеменидский и эллинистический периоды. М.: Наука, 1991. С. 200–273. В рус. пер.: Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток: греч. искусство и его наследники в несредиземноморской Азии. М.: Искусство, 1985. С. 31–34.

[22] См.: Mairs R. The Founder's Scrine and the «Foundation» of Ai Khanum // Foundation Myths in Ancient Societies: dialogues and discourses / ed. N. MacSweeney. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 2014. Oct. Ch. 4. URL: https: // academia. edu (дата обращения: 13. 06. 2014).

[23] Ar. Polit., II, 5, 1, 35–40, 1268a (Aristotelis. Politica / rec. W. D. Ross. Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 1957; Аристотель. Политика / пер. с древнегреч. С. А. Жебелева // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С 434.

[24] P. Aï Khanum, inv. Akh. III 77 P. O. 154. Это отпечаток папируса на глиняном полу помещения, ассоциируемого с библиотекой. См.: Hadot P. Les Textes littéraires grecs de la trésorerie d'Aï Khanoum // Bul. de correspondance hellénique. 1987. Vol. 111. P. 225–266, fig. 1–23; Parente M. I. Il papiro filosofico di Aï Khanum // Studi su codici e papiri filosofici: Platone, Aristotele, Ierocle. Firenze: Leo S. Olschki Editore, 1992. P. 169–188; Rapin C. La trésorerie du palaic hellénistique d'Aï Khanum // Fouilles d'Aï Khanoum VIII. Paris, 1992. P. 115–121; Демин Р. Н. «Платонизм» Гунсунь Луна и трактат об идеях из Ай-Ханум // Akadhmeia: материалы и исслед. по ист. платонизма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. Вып. 7. С. 144–156.

[25] Инверницци И. Селевкия-на-Тигре, греческая метрополия в Азии // Вестн. древ. ист. 1990. № 2. С. 183–184. Также см. фотографии раскопов, архитектурные фрагменты и планы города на сайте: Centro Ricerche Archeologishe e Slavi di Torino per il Medio Oriente e l'Asia. URL: http: // centroscavitorino. it (дата обращения: 16. 06. 2014).

[26] Athen., V, 211d (Афиней. Указ. соч. Т. 1. С. 270).

[27] Пер. выполнен по публ.: Louis R. De Delphes à l'Oxus, inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1968. № 3. P. 422.

[28] Цит. по: Попов А. А. Греко-Бактрийское царство. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 218.

[29] Louis R. Op. cit. P. 424.

[30] Stob. Flor., III, 80. (Ioannis Stobaei. Florilegium / rec. A. Meineke. Vol. 1–4. Lipsiae: Sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1855–1857.

[31] Louis R. Op. cit. P. 442.

[32] Ioseph. Contr. Ap., I, 22 (Иосиф Флавий. Указ. соч. С. 138); Athen. XV, 701d (Афиней. Указ. соч. Т. 2. С. 439).

[33] Louis R. Op. cit. P. 445.

[34] Ibid. P. 450.

[35] Ibid. P. 454–455.

[36] Mairs R. Op. cit. P. 7. Рэйчел Майерс, впрочем, отмечает: нет и свидетельств в пользу того, что Клеарх был местным горожанином, специально отправившимся в Дельфы, чтобы скопировать и привезти из столь отдаленного места обратно на родину дельфийские максимы.

[37] Diog. Laert., I, Praef., 3 (Диоген Лаэртский. Указ. соч. С. 63).

[38] Diog. Laert., I, Praef., 9–10 (Диоген Лаэртский. Указ. соч. С. 65–66).

[39] Louis R. Op. cit. P. 432–438. На основании того, что имя Киней больше всего зафиксировано в надписях Фессалии, Л. Робер предположил фессалийское происхождение основателя города. Среди офицеров и наместников армий Александра Великого и Селевка Никатора было много выходцев из Фессалии.

[40] IG XII 3, 1020 (Inscriptiones Graecae. Consilio et auctoritate Academiae Litterarum Regiae Borussicae editum. Berlin: Ex typographia Academiae. Vol. 12 (Fasc. 3). Supplementum / ed. F. Hiller de Gaertringen. 1894. (Nachdruck: 1977)); Syll. 3, III, 1268 (Sylloge inscriptionum Graecarum a Guilelmo Dittenbergero condita et aucta. Nunc tertium edita. Vol. 3. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1920 (Nachdruck: W. Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 1972)). Подробный обзор см.: Oikonomides A. N. Records of the «Commandments of the Seven Wise Men» in the 3rd c. B. C. // Classical bul. a j. of international scholarship and special topics since 1925. Wauconda, IL, USA: Bolchazy-Carducci Publishers, 1987. № 63. P. 67–76.

[41] Diog. Laert., V, 5, 81 (Диоген Лаэртский. Указ. соч. С. 229).

[42] Athen., XV, 697f (Афиней. Указ. соч. Т. 2. С. 432). Syrbēnōn choros. Разлаженный, шумный хор пустых футляров для флейт, или колчанов без стрел. Такие толкования редкого словосочетания дает византийский словарь патриарха Фотия (Phot. Lex. s. v. Syrbēneus. Photii Lexicon // Johannis Zonarae et Photii Lexicon ex tribu codicibus manuscriptis nunc primum / ed. I. Tittman. T. 1–2. Lipsiae: Sumtibus Siegfr. Lebr. Crusti, 1808. Nachdruck: Vol. 1–2. Amsterdam: A. M. Hakkert, 1967). Вдобавок там приводится эпитет syōdēs (свинячий).

[43] Hesych. s. v. Manerōs (Hesychii Milesii Onomatologis quae supersunt cum prolegomenis / ed. I. Flach. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1882).

[44] Diod. Sic., XVIII, 39, 6 (Diodori. Bibliotheca historica / ex rec. L. Dindorfii. Vol. 1–5. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1866–1868).

[45] Попов А. А. Указ. соч. С. 46.

[46] Ust. Epit. Trog., XV, 4, 11 (M. Iuniani Iustini. Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi / ex rec. F. Ruehl. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1886. Nachdrücke: 1907, 1915, 1935, 1940; Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / пер. с лат. А. А. Деконско, М. И. Рижского. СПб.: Изд-во СПб. ГУ, 2005. С. 134).

[47] Фрагмент переведен на рус. яз.: Попов А. А. Указ. соч. С. 216.

[48] Hadot P. Op. cit. P. 246; Parente M. I. Op. cit. P. 185.

[49] Пичикян И. П. Указ. соч. С. 251–252.

[50] Cambon P., Jarrige J.-F. Afghanistan: les trésors retrouvés: collections du Musée National de Kaboul: [exposition, Paris] / Musée national des arts asiatiques-Guimet, 6 décembre 2006 – 30 avril 2007. Paris, 2007. P. 161.

[51] Diog. Laert., V, 6, 86 (Диоген Лаэртский. Указ. соч. С. 230).

[52] Simpl. In Ar. Phys., VI, Diels: p. 923, 7 (Simplicii. In Aristotelis Physicorum libros quattuor priores commentaria: commentaria in Aristotelem Graeca. Vol. 9 / ed. H. Diels. Berolini: Typis et impensis G. Reimeri, 1882).

[53] Athen., XII, 540d; XIV, 655c-e (Афиней. Указ. соч. Т. 2. С. 232, 376).